

ШЛА ДИВИЗИЯ ВНЕРЕД

В 1918 году я был комиссаром по национализации банков фирмы «Юнкер и Ко», имевшей в Петрограде Warsawskoe, Гольденгонское, Садовое, Василеостровское и Каменноостровское отделения. В двадцатых числах июля мы закончили работу по национализации банков, принадлежавших до Октября крупным капиталистам, и смение злостных саботажников. Банковская деятельность настраивалась по-новому, чтобы служить делу Советской власти, делу победившего народа, его промышленности, сельскому хозяйству — всей экономике.

Правда, еще предстояло многое сделать для укрепления банковского аппарата, идеологического перевоспитания его служащих, но эта задача была менее значительной по сравнению с необходимостью борьбы против внутренней и внешней контрреволюции, намеревавшейся реставрировать в стране буржуазно-помещичий строй.

И мне, бывшему солдату, прошедшему горнило империалистической войны, страстно хотелось на фронт, чтобы принять личное участие в борьбе с врагами первого в мире социалистического государства. С просьбой отпустить меня на фронт я обратился к управляющему З-м отделением народного банка Василию Капитоновичу Рейхардту. Это был очень интересный человек. После войны с денацизацией я встретился с ним, когда он был руководящим работником главного управления Наркомата обороны. Позже, в 1921—1922 годах, В. К. Рейхардт работал комиссаром 2-го стрелкового корпуса в Спасских казармах в Москве.

— На фронт? — переспросил он. — Вы думаете, мне не хочется на фронт? — Василий Капитонович подумал с минуту и добавил: — Вот что, Михаил Степанович, сам я не

могу решить этот вопрос, идите в райком партии и скажите там, что я поддерживаю вашу просьбу.

В райкоме выслушали меня, и я услышал в ответ:

— Мы хотим вас назначить в комиссию по оседлому устройству цыган, кочующих в Петрограде и его окрестностях.

Это было совершенно неожиданное предложение. Мне стоило большого труда убедить секретаря райкома и члена Петроградского комитета партии товарища Клявскина, что я могу теперь быть более полезным в вооруженной борьбе с красновщиной и деникинщиной, чем на работе по благоустройству и трудоустройству цыган.

— И вот все так. — Секретарь райкома вздохнул, поклонил мне руку: — Ну что ж, воюйте. Желаю успеха в борьбе с врагами Советской Республики.

Тяжесть сомнений свалилась с плеч. Я еду на фронт!

И вот Москва. Радостная встреча с отцом, которого я не видел много лет. По пути в Московский горком партии прошел мимо дома на Тверской улице, где тринадцатилетним мальчишкой я встретил революцию 1905 года. У здания Моссовета и памятника Пушкину большое движение людей. Слышались споры, жалобы на трудности, разруху военных лет, призывы на борьбу с южной контрреволюцией. Все окружающее свидетельствовало, что Москва и москвичи встревожены обстановкой на юге страны. Московский комитет большевиков объявил десятипроцентную мобилизацию коммунистов на фронт.

В МК, на Большой Дмитровке, мне посоветовали обратиться в Бюро военных комиссаров. Там я получил назначение на должность военного комиссара инспекции 10-й армии, штаб которой находился в Царицыне.

Доехать до места назначения было не так просто. Поворинскую железнодорожную ветку перерезали красновские банды. Пришлось в Саратове переправляться через Волгу и добираться окольным путем в окруженный белогвардейцами Краснова и Деникина Царицын.

Я доложил в штабе 10-й армии о своем прибытии и тут же получил приказание отправиться в район севернее Царицына, на Дар-Гору, где располагался сводный артиллерийский дивизион.

Ознакомившись с этой частью, я узнал, что в ней насчитывается около пятисот человек, вооруженных винтовками разных систем и карабинами. Ни орудий, ни лоша-

дей здесь не было. Бойцов, в большинстве своем состоявших из крестьян Екатеринославской, Царицынской и Астраханской губерний, обучали бывшие фейерверкеры по плакатам и схемам.

Парторганизация, именовавшаяся в то время коммунистической ячейкой, насчитывала семнадцать человек. Возглавлял ее царицынец Лукин, отличавшийся большой выдержкой, твердыми волевыми качествами. Командир дивизиона Малыгин уважал секретаря ячейки, всегда советовался с ним, а в лице коммунистов видел свою опору.

Было известно, что скоро дивизион в пешем строю выступает на фронт. Чтобы воодушевить красноармейцев, решили провести митинг. В большой, просторный барак собрались не только наши, но и бойцы из соседнего сводного запасного пехотного батальона. Доклад о текущем моменте попросили сделать меня.

Митинг в общем показал, что абсолютное большинство людей на стороне Советской власти и партии большевиков. Правда, не обошлось и без недоразумений. Как только я закончил доклад призывом «Все, как один, на врага», из первых рядов, не прося слова, выступил один из группы бойцов соседнего пехотного батальона. Он заявил:

— Я не против защиты Царицына, но считаю, что нам надо разобраться, правильно ли будет, если мы с оружием пойдем на таких же русских, как и мы, на своих...

Ему не дали дальше говорить. Послышились взоры негодования:

- Это провокатор!
- Веляк!
- Конtra!

Я посоветовал военкому соседнего батальона разобраться, что представляет собой этот человек, нет ли в части агентов из вражеского лагеря.

В эту же сентябрьскую ненастную ночь дивизион выступил в направлении станции Гумрак. Он имел задачу войти в подчинение командира 38-й стрелковой дивизии Н. В. Харченко и действовать по его указанию. К дивизиону Малыгина начальник штаба дивизии присоединил группу рабочих с завода «Баррикады» и около роты бойцов из Царицынского гарнизона. Этот усиленный отряд выбил белых со станции Гумрак, а к исходу дня занял село Городище. Ожесточившийся противник в полночь предпринял контратаку с северо-западной окраины

Городища. Завязался упорный бой, в результате которого белоказаки потеряли пленными до сорока человек и немало убитыми. Станция осталась в наших руках. Потери у нас были значительно меньше, чем у противника. Коммунисты, показывая личный пример, сражались в первых рядах. Троє из них были ранены. Пуля не миновала и меня...

В дальнейшем под напором 38-й стрелковой дивизии, конницы под командованием Б. М. Думенко и С. М. Буденного и других частей 10-й армии белоказаки и интервенты покатились в направлении Ростова и Новочеркасска. Царицын облегченно вздохнул.

В ту пору в частях и соединениях армии был установлен порядок обязательной отчетности комиссаров перед политическим отделом: мы каждую пятидневку посыпали донесения о боевых действиях, о настроении и состоянии боевой готовности личного состава, о его нуждах и запросах.

Приносят ли пользу мои политдопросы, правильно ли я их писшу? Желая выяснить эти вопросы, я, с еще не закрывшейся раной, зашел в политотдел армии, к Алексею Федоровичу Хазову. Он готовил материал к очередному номеру армейской газеты «Солдат революции».

— Ты подожди, — поздоровавшись, сказал он. — Я сейчас закончу, срочно надо послать в редакцию. Помоги пока, как на нас, политработников, белогвардейская газетенка клевету возводит. — И Хазов расхохотался.

Я пробежал глазами по заголовкам. В одном из пасквилий в карикатурном виде представлялся А. Ф. Хазов. Его рисовали как мелкого торговца из Бердичева. На самом же деле он был крестьянином-бедником из Смоленской губернии.

— Видал, как врут? Ну, я их, подлецов, отхлещу в своей газете так, что все наши бойцы будут довольны, — пообещал Алексей Федорович. — Так ты по какой надобности ко мне, Михаил Степанович?

Я сказал.

— Какой толк, говоришь, в политдонесениях? Большой. Из ваших сводок нам известно все, что делается в частях и соединениях армии. Мы обрабатываем их и докладываем Реввоенсовету. То, что в его компетенции, делается на месте, а если требуется вмешательство Москвы, немедленно докладывают в столицу. Так что полит-

домесения очень нужны, только пиши в них поменьше общих слов, побольше конкретности.

— Понял, — ответил я.

В конце октября 1918 года меня вызвали в Реввоенсовет 10-й армии и предложили новое назначение — военным комиссаром в кавалерийское соединение Б. М. Думенко. Согласия в то время не требовалось, и мне пришлось ответить примерно так же, как в этом случае отвечают моряки: «Есть, ехать в кавалерию, хотя я никогда не служил в коннице».

Два дня ушло на подготовку к отъезду и выяснение оперативных намерений командования армии, состояния обеспечения конницы вооружением, одеждой, питанием и примерной дислокации частей.

Переспать мне предложили в так называемой гостинице Реввоенсовета. Это маленькое, чистенькое общежитие из шести-семи комнат без дверей, с общим коридором. Едва успев переступить порог, я остановился, услышав редкий по красоте и тембру баритон. Кто-то пел арию варяжского гостя. С особым чувством неизвестный певец повторил слова из арии: «Напосят смерть они без промаха врагу».

Когда голос умолк, я направился по коридору выбирать себе кровать. Навстречу мне вышел человек средних лет в защитном френче, синих шароварах, хромовых сапогах. Он был высокого роста, стройный, подтянутый.

— Здравствуйте. Кто вы будете? — спросил обладатель замечательного баритона.

Я отрекомендовался.

— Будем знакомы, товарищ Кузнецов.

Это был Александр Ильич Егоров, только что прибывший принимать командование 10-й армией.

Во время беседы мы познакомились ближе, а несколько позже я многое узнал о нем. 25 мая 1919 года в жестоком бою с белогвардейцами на реке Сал, в районе хутора Плетнева и Андреевской, А. И. Егорова и меня тяжело ранило, мы вместе лежали в госпитале. А в 1931—1934 годах, когда Александр Ильич был начальником штаба РККА, судьба, как говорят, вновь свела меня с ним. Из аппарата ВСНХ СССР я был назначен в его подчинение — заместителем начальника 5-го Управления штаба РККА. И вот только там от Н. Н. Мовчина, любителя музыки, я узнал, что А. И. Егоров в дореволюционное время

был певцом. Под сценической фамилией Бакланов его многие знали как выдающегося артиста киевской оперы.

Вскоре после первой встречи с А. И. Егоровым я зашел в Реввоенсовет армии, к товарищу Ефремову. Он дал мне несколько ценных практических советов, связанных с моей будущей работой. Затем в политическом отделе мне выдали мандат — документ, облечавший меня очень большими полномочиями.

В мандате указывалось, что предъявитель сего имеет право ехать в любом поезде, говорить по прямому проводу и селектору, предотвращать контрреволюционные намерения вражеских элементов, осуществлять политический контроль, организовывать и вести политическую работу среди местного населения и т. д.

Документ этот мне вручил работник политотдела товарищ Лашевич, брат которого в начале Октябрьской революции работал в правительстенном аппарате. Лашевич доверительно сказал мне, что в конных частях обстановка сложная, что там недавно от рук «своих» погибли два политработника.

— Так что будьте всегда начеку, — порекомендовал он.

Добравшись сборным поездом до станции Ремонтная, я увидел большой обоз подвод, приехавших из дивизии Б. М. Думенко за фуражом. С этим обозом я и направился к месту своего назначения — в Мартыновку. В пути познакомился с одним из старейших конников, начальником полевого штаба кавалерийского соединения Степаном Андреевичем Зотовым. Он мне и показал, где найти Бориса Макеевича Думенко.

Начальник дивизии ознакомился с моими документами и пригласил сесть. Завязалась беседа о положении на фронтах, о наших успехах в борьбе с контрреволюцией, о перспективах этой борьбы. По мнению Б. М. Думенко, главным фронтом республики был Южный, а предстоящие бои с вражескими полчищами на Дону требовали максимума наших усилий.

Борис Макеевич был влюблен в свою конницу. Он рассказал мне, как из отдельных групп ишногородских и беднейших казаков создавался кавалерийский отряд, который к декабрю 1918 года вырос в грозную для врагов конную дивизию численностью до четырех тысяч сабель. Дал краткую характеристику боевого состава, по памяти перечислил почти всех командиров,

Первым полком командовал представитель калмыцкого народа Ока Иванович Городовиков, вторым — К. С. Гончаров, третьим — Ф. М. Летунов, а четвертый временно возглавлял Олеко Дундич. Кроме того, в дивизии был отдельный эскадрон численностью до четырехсот сабель. Командовал им Н. Алаухов.

— Ну вот, комиссар, теперь будем работать вместе, — сказал Думенко. — Прошу любить и жаловать моего заместителя Буденного, командира первой бригады Маслакова и второй — Булаткина. А теперь пойдемте в столовую, пора обедать.

В просторной светлой комнате было человек десять — двенадцать. Большой стол, накрытый белой скатертью с прошивкой, отличался хорошей сервировкой и разнообразием блюд.

— Прошу к столу, — пригласил Борис Макеевич штабных командиров, вставших при нашем появлении по стойке «смирно».

За обедом непринужденно разговаривали, шутили.

— А что, комиссар, — обратился ко мне Думенко, — хорошо ли вы держитесь в седле?

— Нет, — признался я откровенно. — В старой армии служил в тяжелой артиллерии канониром, приходилось ездить на коне только на выносах и для связи управления дивизиона с батареями.

— Ну, посмотрим, — улыбнулся Борис Макеевич. — Сейчас устроим вам «экзамен». — И тут же приказал командиру ординарческого взвода вывести на плац боевого коня Ангару.

Перед домом буквой «Г» стояли коповязи. Возле них — десятка полтора очень хороших разномастных боевых коней. Тут же выстроились и их всадники. Все любопытствовали, справится ли политический комиссар с Ангарой.

Два ординарца вывели под уздцы высокую, стройную кобылицу золотистой масти, с белым пятном на лбу, в чулках на всех четырех ногах. Она рвалась из рук, игриво приплясывала, косн горячим глазом на собравшихся. «Только бы не подкачать, не ударить в грязь лицом», — мелькнула мысль.

И вот мне передали поводья. Огонь-кобылица захрапела и сразу же взметнула «свечку», показывая свой нрав. Выбрав момент, я забросил поводья на шею, с трудом

поймал ногой левое стремя и быстро вскочил в так называемое английское седло.

Ангара снова взвилась, пытаясь сбросить меня. Но я удержалась, взял круто поводья и мундштуки. Лошадь стала смиреннее. Потом чуть ослабил поводья — зверь кобылица вихрем рванулась в карьер. Около километра прокатал я в поле. Остановил, дал повод влево и уже спокойным наметом на взмыленной красавице подъехал к группе экзаменаторов. Соскочив на землю, отдал поводья коноводу.

— На четверку вытянул, — со скромной улыбкой протянул мне руку Думенко.

Одобрительно отзвались и командиры из группы наблюдателей.

Однако Борис Макеевич не дал мне Ангару. Вместо нее подсунул Ваську, гнедой масти, выносливого, бывшего во многих боях коня. В строю он плохо ходил шагом, отставал, не держал равнения.

Ординарцем ко мне прислали ставропольца Григория Маланьина. На рассвете второго дня я отправился с ним по полкам. Прежде всего заехали в часть Городовикова, который накануне был в штабе дивизии и пригласил меня к себе.

— Сколько в полку коммунистов, Ока Иванович? — поинтересовался я.

Городовиков крутнул свой огромный ус и с достоинством ответил:

— У нас все коммунисты, товарищ комиссар. Раз мы боремся за Советскую власть, значит, мы коммунисты.

— А кто у вас секретарем ячейки РКП(б)?

— Партийная ячейка у нас пока только у батарейцев. В ней девять человек. Думаю, что будет полковая парторганизация, — заверил меня Ока Иванович.

Беседовали долго и обстоятельно. Этот усатый калмык оказался замечательной душой человеком, хорошим тактиком, рачительным командиром. Подчиненные уважали его за личную храбрость и заботу о них.

Ранним утром следующего дня дивизия выступила в поход — преследовать отступающие части белогвардейцев. Боевые эскадроны растянулись на несколько километров. В голове колонны шел на своем любимце Казбеке Семен Михайлович Буденный. Впереди — Знамя дивизии. В групп-

не с комдивом шли Степан Андреевич Зотов, начальник штаба, командиры бригад и ординарческий взвод.

Лихо, красиво шла конница, с песнями и удалыми посвистами. В первой бригаде, где было большинство казаков, больше всего любили песню «Засвистали казаченки» и «Конь гулял на воле». Каждый полк старался отличиться перед другими, и тут уж запевалы не жалели голосов: пусть слышит сам комдив, страстный любитель и почитатель армейского песенного искусства!

К ночи дивизия смела незначительный заслон противника, форсировала реку Сал и разместилась в районе хутора Золотарево-Мухинский. Командование распорядилось расседлать коней, дать людям отдых, предварительно выставив сторожевое охранение.

Семен Михайлович Буденный, Степан Андреевич Зотов и я расквартировались неподалеку от Соборной площади. Но отдохнуть почти не пришлось. В два часа ночи послышалась стрельба. Мы быстро вышли на улицу. Первым вскочил на коня Семен Михайлович. Стрельба продолжалась: в хутор ворвались белые.

На Соборной площади я увидел командира 3-го полка Летунова и вокруг него несколько сот однополчан, дравшихся с противником.

— Повод вправо, в атаку — за мной! — скомандовал Буденный, и конники ринулись на врага, отступавшего к левому берегу Сала.

Сеча длилась около часа. Не выдержав сабельного удара красных конников, белогвардейцы в панике ускакали за приток Сала — реку Сусот.

Я подъехал к Семену Михайловичу и заметил, что он почему-то волнуется. Вскоре выяснилось, что Буденный беспокоится за полк Городовикова. Однако все обошлось как нельзя лучше. Ока Иванович, двигаясь со своим полком правым берегом Сала, зашел во фланг противнику и обеспечил успех боя 3-му и 4-му полкам, наступавшим на вражеские части с фронта. Больше чем на километр от сусатской переправы стояли плененные обозы и тыловые подразделения белых.

Мы тоже потеряли в этом бою нескольких красноармейцев. Смертью героя пал и комиссар 3-го полка Скачков.

Части дивизии остановились на ночлег. В хуторе Сусат расположился 2-й полк. С наступлением темноты к хутору подошел с песнями эскадрон противника. Вопреки

ожиданиям, его командир приехал в штаб полка и заявил, что он и его конники готовы перейти на сторону красных и честно воевать за власть Советов. Гончаров, возглавлявший полк, сообщил об этом в штаб дивизии. Было принято решение удовлетворить просьбу личного состава эскадрона, состоявшего преимущественно из уроженцев селений района Сусот. С. А. Зотов распределил двести бывших белогвардейцев по полкам и эскадронам.

Этот факт свидетельствовал о симпатиях трудящихся к Советской власти и ее молодой армии, о том, что насильно мобилизованные крестьяне и казаки — непрочная опора генерала Деникина и других вожаков контрреволюции.

С рассветом 26 апреля 1919 года наша дивизия, наступая на северо-западном направлении, подходила к Камышевахе. Разведка донесла, что в районе Камышевахи сосредоточился конный корпус Мамонтова, и мы решили дать бой на этом рубеже.

Борис Макеевич Думенко заболел еще во время выступления дивизии из Мартыновки, и теперь ею командовал С. М. Буденный. Семен Михайлович продиктовал Зотову приказ о подготовке частей соединения к схватке с мамонтовцами.

На правом фланге 1-я бригада уже вошла в боевое столкновение с вражеской кавалерией. А вскоре на широком фронте разгорелся упорный бой двух кавалерийских лавин. Он отличался стремительностью, маневренностью. Буденновцы бесстрашно атаковали противника и обратили его в бегство. Помимо других трофеев наши бойцы захватили два броневика — «Каледин» и «Дутов». Громкие для белогвардейцев названия не помогли остановить неукротимый наискок копармейцев.

А несколько позже на пути к хутору Беселый я увидел наших бойцов, стоявших возле отбитого у врага танка с надписью «Риккардо».

— Что, товарищи, белым не идет впрок и помочь Антанты? — спросил я красноармейцев.

Они улыбались, оживленно переговаривались, бросали озорные реплики. По всему было видно: высок боевой дух буденновцев!

Дивизия шла вперед, в направлении Батайска. В начале апреля мы заняли станицу Семикорокорскую. Почти не оказав сопротивления, белогвардейцы отступили. На улицах было почему-то пустынно. Из разговора с пожи-

ным станичником выяснилось, что вражеская пропаганда запугала местное население всякими небылицами о Красной Армии.

— Как же собрать людей? — спросили мы старого казака. — Надо рассказать им правду о Советской власти, о Красной Армии, разоблачить ложь белогвардейцев.

— Трудно собрать народ, — ответил станичник. — Боятся. Разве что набатом? Надо сказать звонарю, пусть ударит в колокола, тогда, может, и сойдутся.

Звонарь ударил в набат. Помогло. На площадь пришли человек пятьдесят — шестьдесят. Вскоре мы открыли митинг. Речи были короткими, ясными, убедительными.

Я сказал, что казаки и иногородние, воюющие против Красной Армии, жестоко обмануты богатеями, защитниками буржуазно-помещичьего строя, которые ищут своего спасения, личных выгод за спиной трудового крестьянства и казачества.

С большим вниманием высушали жители станицы Семена Михайловича Буденного. В конце своего выступления он призвал казаков сложить оружие и повернуть штыки против извечных угнетателей трудового народа.

Затем мы объявили о том, что местные (донские) денежные знаки аннулируются и не будут иметь хождения.

Надо сказать, что митинг сыграл положительную роль в переломе настроения собравшихся в пользу Красной Армии, в пользу Советской власти. И это понятно: ведь почти из каждой семьи кто-нибудь был на стороне красного фронта классовой борьбы на Дону.

Во время дневки в Семикорокской по вызову командования приехали все военные комиссары бригад и полков дивизии. От 1-й бригады присутствовал Алексей Федорович Хазов, недавно прибывший из Царицына, где он был начальником политотдела 10-й армии, от второй — Морган-Уленец, молодой, крепкий и энергичный рижанин, от 19-го кавполка — Ершов, самый молодой из нас, не хорошо подготовленный товарищ. Были представители от 5-го особого эскадрона и артиллерийского дивизиона, а также от штаба дивизии.

Совещание было коротким, но деловым. Разговор шел о том, чтобы принимать все меры к обеспечению боевых приказов командования, показывать личный пример в боях и перерывах между ними, усилить политическую работу

среди бойцов, вовлекая в ряды большевистской партии самых достойных, активизировать большевистскую пропаганду среди граждан местного населения и проявлять больше заботы о семьях красноармейцев и командиров.

На другой день ранним утром дивизия снова двинулась в поход, продолжая преследовать отступавшего противника. Продвигаясь левобережьем Дона, мы занимали хутор за хутором, не встречая существенного сопротивления надломленного в моральном отношении и потерпевшего физически противника.

Захватив станицы Великокняжескую и Багаевскую, наши части форсировали Маныч и с ходу заняли хутор Веселый, где полки расположились на отдых. К тому времени приказом командования 10-й армии наше соединение получило наименование 4-й особой кавалерийской дивизии.

Вскоре последовал приказ подготовиться к глубокому рейду в тыл противника. Эта задача была доведена до каждого красноармейца, и все готовились к рейду obstоятельно, серьезно, с чувством личной ответственности за успех предстоящей операции. Комиссары и коммунисты провели беседы с личным составом, командиры проверили его боевую готовность.

Дивизия выступала в поход с наступлением темноты, чтобы под покровом ночи незаметно для противника пройти сорок — пятьдесят километров, занять станицы Грабьевскую, затем Ольгинскую и начать разгром белых с тыла.

В балках, не доеzzя километра два-три до Грабьевской, мы остановились на короткий привал. С. А. Зотов выслал к станице разведчиков, и спустя некоторое время те долесли, что на подступах к Грабьевской обнаружено две колонны кавалерии противника.

— По коням! — полетела команда.

Едва наши полки успели выйти из балок, как увидели неожиданную картину: перед фронтом дивизии, обнажив шашки, развертывались для атаки белые конники. Произошел скоротечный бой. Имея более выгодные условия для атаки (онишли под гору, а мы на подъем), ула-гаевцы — а их оказалось не меньше дивизии — стремительно вклинились в боевые порядки нашей конницы и стали развивать наступление на фланги. Наша дивизия начала отходить.

— Придется двигаться к своим, — огорченно сказал Степан Андреевич Зотов. — Немножко зарвались...

Отступая к реке Сал, где были основные части 10-й армии, мы дважды вступали в столкновение с вражеской конницей и в обоих случаях нанесли белогвардейцам значительный урон в живой силе. Несколько раз уланаевцы пытались отбить обозы и окружить семьи бойцов, двигавшиеся за нами, но это им не удалось: буденновцы брали в кольцо подзападных и отбивали наскоки врага.

Рейд в общей сложности закончился без оптимальных для нас потерь, однако без предполагавшегося эффекта. Мы поняли, что восстановление власти Советов на Дону — дело очень непростое. Здесь гораздо труднее воевать, чем было на пути от Царицына к рубежу Хомутовка, Богоявская.

24 мая 1919 года наша дивизия влилась в общую линию фронта частей и соединений 10-й армии и заняла рубеж обороны по правому берегу реки Сал, в районе станции Ремонтной, хутора Плетнева и села Андреевское. К исходу этого дня к нам прибыл командующий войсками армии Александр Ильич Егоров.

Командарм отлично ориентировался в обстановке. Он собрал командный состав соединения и сказал, что мы находимся на кануне больших боев с противником.

— Перед вашей дивизией, Семен Михайлович, — обратился он к Буденному, — и 6-й кавалерийской дивизией Афанасенко белогвардейцы сосредоточили большие силы кавалерии, артиллерии и пехоты. Их цель — разбить наши войска, взять реванш за прежние поражения и снова двинуться на освобожденные нами города и селения. Вот почему от каждого командира и красноармейца требуются сейчас максимальное напряжение сил, мужество и самоотверженность. Командование армии надеется, что буденновцы не дрогнут в бою, оправдают высокое доверие, которым они пользуются в пароде.

Беседа командарма произвела на всех очень большое впечатление. Враг рядом, он сосредоточился для прыжка, и если не приготовиться к его отпору, много бед принесет он армии и народу. Помню, несмотря на крайнюю усталость, мне очень хотелось немедленно поехать хотя бы в ближайшие полки, чтобы рассказать там о создавшемся положении, о задачах, которые предстоит выполнять в самое ближайшее время, проверить обеспеченность бойцов всем необходимым, поддержать их морально.

И я поехал вместе со своим ординарцем Маланиным.

По дороге, что вела к хутору Гурееву, паслись кони, а рядом, охваченные дремой, словно былинные богатыри, лежали буденновцы. Необычная тишина стояла в Сальских степях. «Затишье перед бурей, — подумал я. — По ту сторону Сала притаились полки белогвардейской конницы под командованием бывших царских генералов Покровского, Мамонтова, Шатилова, Улагая. На них, этих палачей пролетарской революции, опиралась и возлагала надежду международная контрреволюция четырнадцати капиталистических стран. И сейчас еще не теряет надежды...»

Не прошло и часа, как тишину нарушил сигнал трубача. Боевая тревога! Полки построились и уже через полчаса, еще потемку, приступили к боевым действиям. То тут, то там по изломанной линии фронта с криками «ура» наши конники дружно бросались в атаку на врага. Местами в контратаку переходила и белогвардейская кавалерия.

Этот бой в районе Андреевская, Гуреев, Плетнев, Ремонтная с превосходящими силами противника был одним из самых ожесточенных за все время моего пребывания на Фронте. Наша 4-я особая и 6-я Ставропольская кавдивизии впервые фактически действовали как сводный конный корпус под командованием С. М. Буденного. В корпусе было двенадцать полков.

В рядах атакующих красные конники видели командарма А. И. Егорова и заместителя начальника штаба армии по кавалерийской части Б. М. Думенко. Их непосредственное участие в бою вдохновляло конников на подвиги. Бесстрашно сражался с противником только что прибывший на должность командира полка Усиков. Тяжело раненный, он скончался по дороге в госпиталь.

В этот день тяжелые ранения получили А. И. Егоров, Б. М. Думенко и я. Под синей убийство третьего боевого коня, подаренного мне заместителем командира 4-й дивизии С. К. Тимошенко.

Сражение на рубеже реки Сал, под хутором Плетнев, стало для меня последним на Юге России. Жизнь пошла по госпиталям. Сначала я попал в довольно примитивный госпиталь, расположившийся в одной из царицынских гостиниц. Раздробленную верхнюю треть плеча и перелом правой руки врачи не смогли залечить и в начале июня 1919 года отправили меня пароходом в Саратов, в клинику профессора Спасонукоцкого.

После двух операций мне стало легче. Хирург Спири-

долов сказал, что здесь, в клинике, лежит на излечении Борис Макеевич Думенко и что он просил устроить со мной встречу.

И вот меня перенесли на первый этаж. Думенко лежал у открытого во двор большого окна. Поздоровались. Пока Борис Макеевич рассказывал о ходе боев на левом фланге, на рубеже реки Сал, где 25 мая он был ранен, к окну его палаты ординарец подвел трех гнедых коней. Присевшись на подушке, Думенко потрепал скакунов по крутым шеям.

— Скорее бы в бой, — проговорил Борис Макеевич, — но врачи непускают.

Недели две спустя мы снова встретились с ним.

— На фронт, на фронт, Кузнецов, хочу, — сказал Думенко. — Белые взяли Царицын... Слышишь?

— Лучше бы не слышать об этом, — с горечью произнес я. — Видите, в гуще запеленали... В Москву хотят отправить...

— Скажу тебе по секрету, — шепотом произнес Думенко, — сбегу я из госпиталя. Душа изболелась по боевому делу.

В этот раз мы долго беседовали. Вскоре меня направили в Москву, в генеральный госпиталь, а Борис Макеевич Думенко, как я узнал позже, все-таки сумел вырваться из рук эскулапов, осуществил свое желание.

Московский госпиталь оказался заполненным ранеными до отказа. Они поступали сюда со всех фронтов. Здесь был очень хороший по тому времени медперсонал, в частности хирург, профессор Руфанов, который лечил и меня. В сентябре 1919 года привычная ночная госпитальная тишина была неожиданно потревожена. Срочно ставились дополнительные койки, по этажам сновали врачи, медицинские сестры, санитары. Утром мы узнали, что в госпиталь поступил человек двадцать тяжело раненных участников собрания актива Московской парторганизации. Они пострадали от бомбы, брошенной в зал заседания террористами. Этот подлый предательский акт врагов революции вызвал среди раненых бурю возмущения.

Август и сентябрь 1919 года были исключительно напряженными. Деникинцы, поддерживающие Антантона, заняли Курск, Орел и начали продвижение к Туле. В эти тяжелые для республики дни в стране был объявлен ленинский призыв в большевистскую партию.

Помню, во всех палатах состоялись короткие митинги, после которых почти все раненые, которые могли передвигаться, подали заявления с просьбой принять в ряды РСДРП(б), а бойцы и командиры, прикованные к кровати, просили с места: «Запишите и меня».

Мой сосед, тяжело раненный ивановский рабочий Устинов, попросил меня включить его в списки большевиков. А в три часа ночи он умер. Умер с думой о партии, с думой о Ленине...

Расходились дороги боевых друзей. В одном случае они расходились навсегда, когда мы безвозвратно теряли замечательных бойцов за дело ленинской партии и Советской власти. В другом случае они расходились на время, а затем опять сводили вместе ветеранов гражданской войны.

В двадцатых годах в ВСНХ мы работали вместе с бывшим командиром Морозовско-Донецкой стрелковой дивизии Иваном Михайловичем Мухоперцем. Под Гумраком, на Царицынском фронте, мы с ним участвовали в боях. Ныне он персональный пенсионер. Несятая на свои восемьдесят с лишним лет, Иван Михайлович продолжает трудиться в меру своих сил. Он написал две книги воспоминаний — «В тот памятный год» и «Годы грозовые».

Много раз встречался я и с Григорием Ивановичем Куликом — знаменитым артиллеристом Первой Конной армии, отличившимся в жестоких боях под Царицыном и Ростовом.

С одним из старых конармейцев — Петром Кирилловичем Случевским, теперь генерал-майором технических войск в отставке, дороги свели нас на Калининском фронте во время Великой Отечественной войны. Оба мы воевали в составе 31-й армии.

Живя в одном доме со старейшим конником Василием Антоновичем Сергеевым, мы часто встречаемся и вспоминаем 1918 и 1919 годы на Юге России.

Долгое время командовал кавалерийским полком в 6-й дивизии Кирилл Васильевич Наумецкий. Он прошел весь победный путь с нашей конницей. В настоящее время, находясь на заслуженном отдыхе, он продолжает вести посильную общественную работу.

Не теряем мы, старые бойцы, живой связи и с руководителями Первой Конной — С. М. Буденным и С. К. Тимошенко.